

Память жива

Minnet lever

Во многих укромных и отдаленных уголках Норвегии до сих пор есть люди, которые бережно хранят память о советских военнопленных и любовно ухаживают за могилами тех, кому не суждено было дожить до долгожданной победы. Из тех кто не дожил, в Норвегии более 13 тысяч человек.

В праздничные, торжественные дни норвежцы приходят на места захоронений с букетами цветов или с венками и кладут их у подножий памятников, воздвигнутых самими военнопленными после освобождения из лагерей.

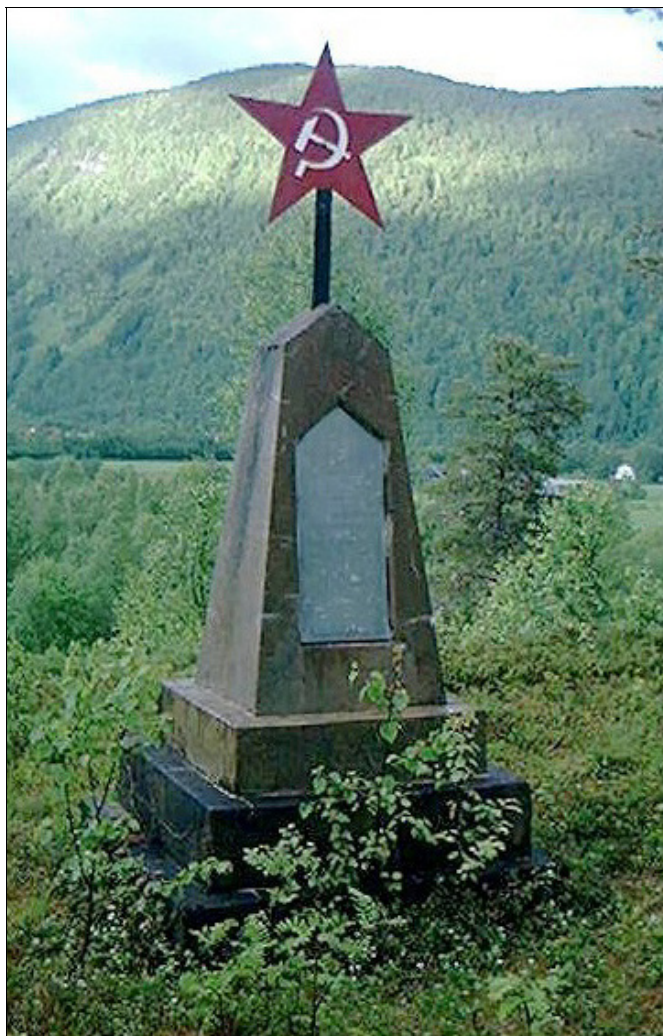
Строительство памятников происходило, в основном, в мае, июне и частично в июле 1945 года, т.е. в месяцы перед репатриацией. Строились эти надгробия и памятники большей частью не на кладбищах и не всегда из прочных материалов, а из того, что было под рукой. Естественно, что сооружения такого рода не могли долго устоять против переменчивой норвежской погоды, особенно в приморских районах страны.

Создатели этих памятников никоим образом не притязали на классическую красоту, «величие и покой» своих сооружений, и скромно украшали их иногда красной звездой, иногда православным крестом. В редких случаях эти два символа веры помещались бок о бок в тесном соседстве.

Те из памятников, которые не развалились, не были разрушены вандалами и не снесены норвежскими военными властями, напоминают новым поколениям норвежцев о тяготах немецкой оккупации, в которой побывали их отцы и деды, и о суровых испытаниях в фашистской неволе, которые выпали на долю советских военнопленных. Кроме того, они напоминают о человеческом тепле в нечеловеческих условиях, о солидарности и борьбе простых людей против бездонного зла, выплывшего на поверхность из недр фашистской расовой теории.

Со временем эти памятники превратились в вещественный залог возникшей в те далекие годы обоюдной симпатии и сострадания между «униженными и оскорбленными» представителями двух народов и многих национальностей. В первые послевоенные месяцы эти чувства вылились в повсеместное братание, в искреннюю дружбу. В незабываемые майские дни 1945 года стоило только советским военнопленным появиться в каком-либо людном месте, как норвежцы обступали их со всех сторон, тепло пожимали им руки, хлопали их по плечу и крепко обнимали. Военные и участники Движения Сопротивления вытягивались в струнку, дружески отдавая честь, а женщины гладили их по лицу, и глаза их медленно наполнялись слезами неподдельного сострадания, а сердца чувством беспредельной радости: «Норвегия снова свободна! Вы наши освободители!».

Эти чувства, испытанные норвежцами, очевидцами и участниками событий тех дней, в определенной мере и разными путями передавались их детям и внукам, и они, осмысливая историю своей страны, приходят к выводу, что пребывание советских военнопленных в Норвегии во

Тmange bortgjemte og fjerntliggende avkroker i Norge, men langt fra bare der, finnes det den dag i dag mennesker, som omhyggelig tar vare på minnet om russerfangene (slik ble de sovjetiske krigsfanger hetende på folkemunne), steller kjærlig gravene til dem, som ikke ble forunt å oppleve den etterlengtede seieren. Av disse var mer enn 13 t. i Norge.

På store fest- og høytidsdager går disse nordmennene, som bevarer minner om de omkomne, med blomsterbuketter, og en sjelden gang, kranser. Disse legger de ved foten av minnestøttene, som ble reist av russerfangene selv etter befrielsen fra fangeleiere.

Byggingen av minnestøttene foregikk i mai, juni og delvis juli 1945, dvs. i månedene før repatrieringen tok til. Minnestøttene ble vanligvis ikke satt opp på kirkegårdene, og de var heller ikke laget av solide materialer, men av det som var for hånden. Det er da naturlig at byggverk av denne typen ville ikke klare seg lenge mot det omskiftelige været, som er særlig karakteristisk for kyststrøkene i landet.

время войны является такой же неотъемлемой частью ее истории, как немецкая оккупация. И хотя теперешняя молодежь не проявляет особого интереса к новейшей истории, в ее среде есть значительная прослойка, которая имеет довольно ясное представление о неисчислимых жертвах, принесенных во имя победы всеми народами России. По данным международной Демографической конференции в Москве в 1994 году эти жертвы составляют 26 млн. человек, что приблизительно в 6 раз превышает сегодняшнее население Норвегии. Большинство норвежцев помнят об этом. Норвежцы также помнят и хранят память о тех, кто погиб и погребен в их стране. Они до сих пор благожелательно относятся к россиянам, вопреки не всегда благожелательной норвежской прессе.

Автору этих строк привелось побывать во многих уголках Норвегии, где многочисленные объединения, организации и кружки по изучению истории родного края, тщательно собирают материал и о советских военнопленных. Например, в музеях таких относительно небольших населенных пунктов и городов, как Докка, Винстра, Квам, о-в Госсен (коммуна Аукра), Му-и-Рана, Нарвик и мн.др. имеются уголки, посвященные советским военнопленным. В центре коммуны Квам в Гудбрансдален есть даже небольшой макет лагеря советских военнопленных.

В связи с вышесказанным хочется особо отметить работу исторического кружка в городе Му-и-Рана, которым любовно и со знанием дела руководит Барбара Приземанн. Стараниями секретаря этого кружка и хранителя древностей местного городского музея Тура Хельге Эйдсауне, был обнаружен, восстановлен и открыт разрушенный то ли временем, то ли вандалами, то ли норвежскими военными властями во время холодной войны, памятник. Памятник этот был сооружен и поставлен советскими военнопленными в местечке Рауфьелльфорсен/Хьяртосен.

Член правления того же исторического кружка, сотрудник Государственной Национальной библиотеки в Му-и-Рана Гарри Бьеркли, проделал поистине гигантскую работу по обнаружению, регистрации и фотографированию захоронений и памятников, сооруженных советскими военнопленными. Работу эту Гарри Бьеркли выполнил не только в окрестностях своего города, но и в губернии Нурланн в целом. Весь материал он совершенно безвозмездно и без всяких условий предоставил в распоряжение автору этой статьи. Свой труд Гарри Бьеркли озаглавил словами, высеченными на одном из памятников: «Мы пожертвовали своей жизнью...» Неплохо было бы и эти слова и весь собранный Гарри Бьеркли материал довести до сведения читателей «Русского бульвара».

Кстати, в связи с памятниками обращает на себя внимание довольно знаменательный факт: большое количество этих памятников в северных губерниях Норвегии и почти полное их отсутствие в южных и юго-восточных губерниях. Можно предположить с некоторой долей вероятности, что это обстоятельство как-то связано со строительством железной дороги в губернии Нурланн (Nordlandsbanen).

Хорошо известно, что из стратегических и иных соображений, немцы придавали этому строительству большое значение. К работам по его осуществлению была привлечена Организация ТОДТ. На выполнение самых тяжелых и нездоровых работ немецкое военное командование бросило значительное количество советских военнопленных. Так на одном из участков этого строительства (Му-и-Рана-Дундерланн) было расположено не менее 34 лагерей.

Питавшиеся впроголодь, плохо обутые и одетые в не сохраняющие тепло трофейные лохмотья, советские

De, som bygget disse minnestøttene, strebet ikke på noe vis etter klassisk skjønnhet eller “stille storhet”, men dekorerte dem i all ydmykhet, stundom med en rød stjerne, stundom med et russisk ortodoks kors. Kun i sjeldne tilfelle ble disse to trossymbolene satt side om side i eng naboskap.

De av minnestøttene, som ikke raste sammen og heller ikke ble veltet av gravskjendere eller fjernet av norske militære myndigheter under den kalde krigen, må nødvendigvis minne nye generasjoner av nordmenn om påkjennningene, som deres fedre måtte utholde under den tyske okkupasjon og om det tyske fangenskaps harde prøvelser, som ble russerfangene til del. Men de må også minne om menneskelig varme under umenneskelige forhold, om solidaritet og motstand, som de enkle, helt vanlige mennesker ytet mot den bunnløse ondskapen, som steg til overflaten fra dypet av nazistiske raseteorier.

Disse enkle, ukunstlete minnestøttene ble med tiden en slags tinglig pant for gjensidig sympati og “med-lidelse” blant “de fornærede og krenkede” representanter for to folk og flere nasjonaliteter. Disse følelsene, som oppsto under krigen, manifesterte seg i de første etterkrigsmånedene som allmenn forbrødring, inderlig og varmt vennskap.

En scene som denne var typisk for denne tiden: Skulle i de uforglemmelige dagene i mai 1945 russerfanger dukke opp på et eller annet folksomt sted ble de øyeblikkelig på alle kanter omringet av jublende og glade nordmenn. De trykket varmt russerfangenes hender, klappet dem oppmuntrende på skuldre, omfavnet dem og kom med glade utrop. De uniformerte hjemmefrontfolkene strammet seg opp og gjorde vennskapelig honnor, mens kvinnenes øyne fyltes med tårer av medfølelse og glede: “Norge er atter fritt! Dere er våre befriere!”

Disse følelsene og stemningene, som den eldre generasjonen opplevde, ble til en viss grad og ad forskjellige veier formidlet til dens etterkommere. I sine forsøk på å fortolke historien kommer disse til den slutning at russerfangenes historie er en integrert del av Norges krigshistorie, slik som den tyske okkupasjon av Norge er det. Og selv om dagens ungdom ikke viser spesiell interesse for den nyere historie, finnes det i den et betydelig og mer voksent sjikt, som har en klar oppfatning av Russlands rolle i den andre verdenskrig og hvilke enorme tap alle dets folkeslag har lidd for å vinne seieren. Under Den internasjonale demografiske konferanse i Moskva i 1994, kom man til at Russlands tap var over 26 millioner. mennesker. Det er omtrent 6 ganger Norges nåværende befolkning. Flertallet av nordmenn husker dette. Den dag i dag er de velvillig stemt overfor Russlands forskjellige folkeslag, til tross for ikke alltid så velvillig norsk presse.

Det falt seg slik at forfatteren av disse linjer har besøkt en rekke små og større steder i Norge hvor tallrike foreninger, organisasjoner og mindre grupper, som studerer heimstads-historie, samler stoff også om russerfangene. I lokalmuseene til slike relativt små og lite kjente tettsteder og småbyer, som Dokka, Vinstra, Kvam, Gosen, Mo i Rana, Narvik o.a., finnes det rom, som er viet russerfangene. I sentrum av tettstedet Kvam i Gudbrandsdalen, kan man endog se en maket av russefangeleier i miniatyr.

I forbindelse med dette bør det absolutt nevnes heimstads-historielaget på Mo i Rana, nidkjært og kyndig ledet av Barbara Priesmann. Ved stor innsats av dette lagetets sekretær og konservator ved Ranamuseum, Thor Helge Eidsaune, ble det oppdaget, gjenreist og avduket et minnesmerke, satt opp av russerfangene i den lille bygda Raufjellforsen/Hjartåsen. Det er ikke på det rene hva som skjedde med det: Om det falt for tidens tann eller vandalenes hånd.

Styremedlem i det samme heimstadshistorielaget, Harry Bjerkli, som til daglig har arbeid ved Nasjonalbiblioteket på Mo i Rana, har i sannhet utført en kjempejobb. Han har nemlig funnet frem til, registrert og fotografert så å si samtlige gravplasser og minnestøtter, som ble satt opp av

военнопленные, очутившись в условиях норвежского Севера с резкими перепадами погоды, могли рассчитывать только на один исход — смерть. И хотя общая смертность в немецких лагерях в Норвегии была сравнительно низкой, распределялась она далеко не равномерно. В процентном отношении в северных губерниях Норвегии советских военнопленных погибло значительно больше, чем в южных. Конечно, железную дорогу Нурланн неправомерно назвать «стройкой века», но она дорого обошлась советским военнопленным. Многие за эту стройку «в северном аду» заплатили жизнью. И не исключено, что те, которые вышли из этого ада живыми, ставили памятники погибшим с ощущением какой-то вины перед ними. Для них, оставшихся в живых, памятники стали как бы символом искупления этой вины и, возможно, избавлением от мучительной травмы.

Но о пребывании советских военнопленных в Норвегии напоминают не только поставленные ими памятники. Во многих норвежских домах, преимущественно в сельской местности, по сей день хранятся предметы, сделанные умельцами среди советских военнопленных. Обычно это детские игрушки: куры, ключи зерно; крокодилы, с выжженным раскаленной проволокой декором и поворачивающимся хвостом; жар-птицы с расправленными крыльями и раскрытым клювом и пр. Но есть вещи и более изящные, указывающие не только на умение, но и на утонченный вкус: хорошо отделанные и отшлифованные шкатулки с инкрустациями; алюминиевые портсигары с насечкой, нанесенной самым обыкновенным гвоздем; мундштуки, сделанные из разноцветных пластинок плексигласа и мн.др.

Совсем недавно бывший профсоюзный деятель и типограф газеты «Афтенпостен» Карлейф Халворсен сдал в местный музей города Бревика два огромных чемодана, похожих на русские сундуки. Тяжелые и громоздкие, они были битком набиты поделками советских военнопленных. Карлейф Халворсен возил эти чемоданы из Осло в Нарвик, чтобы показать свою коллекцию участникам происшедшей там конференции.

Конференция эта была создана по инициативе «Северо-норвежского Центра по изучению проблем мира» (Nord-Norsk Fredssenter, Narvik/Narvik Peace Foundation, Norway), которым руководит Свейн Туре Аспелюнн. Она проходила с 30 мая по 1 июня 2002 года и была посвящена вопросам, касающимся условий, в которых находились в Норвегии советские военнопленные. Конференция в Нарвике вызвала большой интерес не только у специалистов по новейшей истории, которых представлял профессор Ословского университета Уле Кристиан Гримнес, но и у представителей общественных организаций и учреждений, деятелей культуры и работников средств массовой информации, местного населения.

Участники конференции были потрясены трагедией в населенном пункте Бейсфьорд, где в годы войны было убито свыше 1500 сербских и советских военнопленных. За одну только ночь с 16 на 17 июля 1943 года было по приказу Рейхскомиссара оккупированных областей Норвегии Иозефа Тербофена расстреляно около 300 военнопленных, главным образом, сербов, якобы с целью предотвращения в лагере эпидемии тифа.

И у многих присутствующих от ужаса леденела кровь в жилах при виде того места, где в один из хмурых ноябрьских дней 1943 года было расстреляно 150 сербов. Несчастных раздетыми вынудили лечь на мерзлую землю горного болота. Если кто-либо начинал шевелиться или приподнимался, короткая автоматная очередь избавляла его от адских мучений.

Нечеловеческие страдания, выпавшие на долю сербских и советских военнопленных, трудно себе

russerfangene. Og dette arbeid har Harry Bjerkli utført ikke bare i Mo i Ranas oppland, men praktisk talt i hele Nordland fylke.

Alt materiale, som Harry Bjerkli hadde brukt så meget tid og arbeid for, stilte han vederlagsfritt og uten vilkår til disposisjon for forfatteren av disse linjer. Som tittel på sitt arbeid, valgte Harry Bjerkli ord, som var hugget inn på en av minnestøttene «Vi ofret våre liv». Det ville være fint å bringe disse ord og det materiale Harry Bjerkli har samlet, til kjennskap for lesere av «Russisk bulevard».

Forøvrig, når man taler om minnestøttene, legger man merke til en nokså påfallende kjensgjerning: Det er et betydelig antall minnestøtter i nordlige fylker, og nesten total fravær av dem i sydlige og sydøstlige fylker. Dette henger sannsynligvis sammen med byggingen av Nordlandsbanen. Det er relativt godt kjent at tyskerne ut fra strategiske og andre hensyn, tillå denne bygging en stor betydning. For å få arbeidet gjort, ble organisasjon TODT engasjert. Til utførelse av de tyngste og usunne jobber, hadde tyske Wehrmacht overført en betydelig mengde russerfanger. Slik hadde man på ett byggeavsnitt Mo i Rana-Dunderland etablert ikke mindre enn 34 større og små russe- og serberfangeleiere.

Undernært, med elendig skotøy og kledd i trofélaser, som ikke holdt på varmen, kunne fangene i det omskiftelige været nordpå, regne med kun en sikker utgang-døden. Og selv om den totale dødelighet i fangeleire i Norge, var relativt lav, var den langt fra likelig fordelt. Prosentvis i Norges nordlige fylker omkom det betraktelig flere russerfanger enn i sydlige.

Selvfølger var Nordlandsbanen en forholdsvis liten jernbanestump, som neppe kan kaller «århundrets byggverk» («стройка века»), men det kom russerfangene dyrt å stå. Det var mange av dem, som måtte betale med sitt liv for denne byggingen i «Nordens helvete». Og det kan ikke utelukkes helt at de, som kom ut av dette helvete i live, satte opp minnestøtter for de omkomne i en vag fornemmelse av skyld. Ubevisst kunne minnestøttene være en slags soning for denne skylden, eller kanskje et forsøk på en frigjøring for vedvarende og smertelig trauma?

Men om russerfangenes nærvær i Norge vitner ikke bare minnestøtter, som de selv satte opp. I mange norske hjem, fortrinnsvis på landsbygda, finnes det den dag i dag gjenstander laget av hendige folk blant russerfangene. Det er for det meste barneleker: Tupper, som pikker i seg korn fra ett brett de står på; Krokodiller med svingende haler og brune flekker, påført med glødende ståltråd; Ildfugler med spredte vinger og åpnet nebb, o.m.a.

Imidlertid finnes det også mer elegante gjenstander, som vitner ikke bare om håndverksmessig dyktighet, men om fin estetisk sans: Godt forarbeidete og fint polerte skrin med intarsia; Sigarettetu av aluminium med siselering, påført med høyst alminnelig spiker; Kulørte munnstykker, laget av tynne skiver av plexiglass, som er tredd på et tynt aluminiumsrøyr, o.a.

Når det gjelder disse russetingene, finnes det faktisk folk, som samler dem. For ikke så lenge siden leverte en tidligere fagforeningsleder og typograf i «Aftenposten» Karleif Halvorsen, to enorme koffertene til et museum på tettstedet Brevik. Disse koffertene, som minnet mer om russiske trekister (sunduki), var dørgende fulle av gjenstander, laget av russerfangene. Men før dette skjedde, dro Karleif Halvorsen med de selvstamme tunge og ruvende koffertene fra Oslo og helt til Narvik for å vise sin samling til deltagerne i en konferanse som ble arrangert der i tiden 30. mai—1. juni 2002.

Denne konferansen ble sammenkalt etter initiativ av Nordnorsk Fredssenter, Narvik/Narvik Peace Foundation, Norway, som ledes av Svein Tore Aspelund. Konferansens agenda var hovedsakelig viet forholdene som russerfangene og de serbiske fanger levde under i Norge. Den påkalte stor oppmerksomhet og interesse ikke bare blant faghistorikerne,

представить. Они были настоящими «пасынками судьбы» среди граждан других стран, находившихся в годы войны в немецкой неволе. И это не особенно интересовало ни Западную Европу, ни Соединенные Штаты Америки.

Что касается Норвегии, для частичного, но далеко не специального изучения условий, в которых жили и работали советские военнопленные, лишь в 2000 году было создано учреждение Фальстадсентер (Stiftelsen Falstadsenteret www.falstadsenteret.no) в районе бывшего фашистского концлагеря. С опозданием в 55 лет. Срок не очень большой, но хрупкая человеческая жизнь измеряется иными мерками, ибо человек недолговечен и смертен. Однако есть тут одно утешение: смерть не может унести в потусторонний мир все. В человеческом обществе, кроме ряда самых противоречивых явлений и состояний, существует еще два вида памяти: короткая и длинная. Первая память — это память официальная, государственная. Она записывается и... забывается. Вторая память народная. Она хранится в сердце народа и передается от одного поколения другому.

Именно это явление наблюдалось среди участников конференции в Нарвике. Память о советских военнопленных жива среди старых и молодых норвежцев, а скромные памятники, поставленные советскими военнопленными, лишний раз напоминают о том, как нужен миру мир.

*Алексей Д. Перминов
Осло, февраль 2004 г.*

Den nyoppbygde minnestøtten fra Hjartåsleiren. Avdukingen fant sted i juli 2003. Aleksey Perminov holder tale.

• som ble representert ved spesialisten på nyere historie, professor Ole Kristian Grimnes, UiO, men også andre. Blant deltagere var det flere representanter for statlige institusjoner, samfunnsorganisasjoner, for kultur- og massemedieinstitusjoner, for ikke å tale om lokalbefolkningen. Deltagerne, uten spesielt kjennskap til disse forholdene, ble rystet over tragedien i Beisfjord hvor i en leier under krigen ble drept ca. 1500 russerfanger og serbiske fanger. Bare i løpet av en natt 17. juli 1943 ble det etter ordre av Reichskommissar for die besetzten Norwegischen Gebiete Josef Terboven, skutt over 300 fanger, hovedsakelig serbere, angivelig for å hindre spredningen av tyfusedepidemi i leieren.

• Og hos mange av de tilstedeværende frøs blodet i årene av skrekk ved synet av en fjellmyr hvor på en grå novemberdag 1943 ble 150 serbiske fanger skutt. De ulykkelige ble tvunget til å legge seg nakne på den frosne myra. Den som begynte å bevege seg eller forsøkte å reise seg, fikk en rask salve fra automatvåpen, som gjorde ende på hans lidelser.

• De umenneskelige lidelser, som det overveldende flertall av russerfangene og de serbiske fanger, ble utsatt for i tysk fangenskap, lar seg av og til vanskelig forestille. De var vaskeekte "skjebnens stesønner" blant borgere av andre land, som befant seg i krigsårene i tysk fangenskap. Og det synes som denne skjebnen ikke vakte synderlig interesse i Vest-Europa eller USA.

• Når det gjelder Norge, ble det utført en delvis, men langt fra noen grundig utforskning av forholdene, som russerfangene og de serbiske fangene levde under. Bare i år 2000 ble Falstadsenteret (www.falstadsenteret.no) innstiftet på et område hvor det under krigen var en tysk konsentrasjonsleier. Med en forsinkelse på 55 år. Sub specie aeternitatis er ikke dette noe lang tid, men det skjøre menneskeliv måles med andre mål, for mennesket er dødelig og dets liv er kort. Men her finnes noe, som man kan finne trøst i: Døden kan ikke ta alt med seg hinsides. I det menneskelige samfunn, foruten en ufattelig mengde innbyrdes uforenlige fenomener og forhold, eksisterer også to slags minner: Ett kort og ett langt. Det første minnet er det offisielle, det statlige. Det registreres og... glemmes. Det andre minnet er folkets minne. Det bevares i folkets hjerte og overleveres fra en generasjon til en annen.

• Det var nettopp dette fenomenet som kunne iakttas blant deltagerne i Narvik-konferansen og blant representantene for lokalbefolkningen. Minnet om russerfangene og de serbiske fangene var levende blant gamle og unge nordmenn, og de uanselige minnestøttene, som ble satt opp av russerfangene, minner nok en gang om hvor nødvendig freden er for menneskene i verden.

*Aleksey D. Perminov
Oslo, februar 2004*

• **Aleksey Perminov** er født i 1922. Han var sovjetisk krigsfange i Polen, Tyskland; Finland og Norge i løpet av 1941—1945. Etter krigen har han bodd i Norge og i mange år arbeidet som foreleser på universitetet i Oslo. Han har oversatt mange bøker av russiske forfattere til norsk. Blant hans studenter kan man finne Norges ambassadører i Russland, Ukraina, Aserbajzhan; forhøvedværende kulturminister og utenriksminister; tidligere direktør i NRK; osv.

• **Алексей Демидович Перминов** родился в 1922 году. Во время Великой Отечественной войны был военнопленным в Польше, Германии, Финляндии и Норвегии. После окончания войны живет и работает в Норвегии. В течение многих лет Алексей Перминов работал преподавателем в Университете в Осло. Он перевел на норвежский язык ряд произведений русских и советских писателей. Среди его студентов были известные в Норвегии люди: послы Норвегии в России, Азербайджане, на Украине, бывший министр культуры, директор NRK и т.д.

Объем нашего издания не позволяет напечатать фотографии всех памятников — только в фюльке Нурланн их несколько десятков, почти в каждой коммуне; все памятники Нурланна описаны в брошюре Гарри Бьеркли «Мы пожертвовали своей жизнью...» (Му-и-Рана, 2003. — 25 с.). Он отобрал для газеты несколько снимков из брошюры.

Fotoene er tatt fra brosjyren “Vi ofret våre liv. Fangeleirer og russiske gravsteder” av Harry Bjerkli (Mo i Rana, 2003; 25 s.).

Dette er de ødelagte restene av den originale russiske minnestøtten ved leiren på Hjartåsen i Dunderlandsdalen. Dette var kanskje den største av de russiske fangeleirene i Dunderlandsdalen. 918 russere var fanger her. 63 russere og 13 jugoslavere ble gravlagt her.

Minnestøtten ble oppbygget igjen i juli 2003, med støtte fra flere instanser. Tidligere russerfange Aleksej Perminow var tilstede ved avdukingen. Dette ser vi på bilde på forrige side.

Originalrestene ble brukt i den restaurerte støtten. Begge bildene er fra 2003.

Restene av den ene originalstøtten ved Bjørnelva fangeleir ved “Sukkertoppen” på Saltfjellet. En stor gravplass hvor hele 207 russiske fanger ble gravlagt.

Veiarbeidere som bodde i en brakke her, pleide å stille på gravplassen (omkr. 1951). De ble forskrekket vitne til at en mann kom i bil og sprengte støtten i stykker. De spurte mannen HVORFOR? Hvoretter det ble svart: “De er så stygge å se på for turistene!”

Den russiske originalinskrripsjonen er tydelig på bildet. Det var i denne leieren at Dr. Kreyberg tok de berømte fangebildene i 1945.

Dette er en restaurert originalstøtte fra fangeleiren ved Røkland (Pothus). Leiren var i første omgang for jugoslavere, men de ble flyttet til “Lager Polarzirkel” og ca. 800 russere kom hit. Her på gravplassen ble 50 russere gravlagt.

Dette er et utdrag av den ene inskripsjonssiden på støtten ved Røkland (bilde til venstre). Her ser vi at 4 russere ble skutt og 46 døde av sult. Også 3 serbiske krigsfanger ble gravlagt her.

Адреса: Материалы в интернете о советских военнопленных в Норвегии: www.russia.no/history/ww2/
Rana historielag: historielag.monet.no
Harry Bjerkli: tlf. 75121351, 75121111; harry.bjerkli@nb.no
Aleksej D. Perminow: Hallagerbakken 80A, 1256 Oslo; tlf. 22622963

Материал получен через Норвежско-русский культурный центр в Осло; верстала Г. Эйдскрем.